

Н.М. Ракитянский

ПОНЯТИЯ СОЗНАНИЯ И МЕНТАЛИТЕТА В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

В статье предпринята попытка выявить соотношение базовых понятий современного политологического дискурса — понятий сознания и менталитета.

Ключевые слова: *сознание, менталитет, психологическая наука, неоклассическая парадигма, догматический принцип.*

Сознание как понятие классической науки

Проблема сознания восходит к временам Античности. Она является сложнейшей и глобальной проблемой в современной науке. Метафорически иллюстрируя степень этой сложности, А. Шопенгауэр в свое время назвал сознание «загвоздкой Вселенной». Сознание как одно из базовых понятий философии, психологии, социологии и политологии, обозначает человеческую способность идеального воспроизведения действительности в мышлении. В научном сообществе сознание рассматривается как высшая, свойственная только человеку и связанная с речью функция мозга, состоящая в обобщенном и целенаправленном отражении действительности, в мысленном построении деятельности и предвидении ее результатов, в разумном регулировании и самоконтроле поведения человека.

Сознание определяется как интегрирующее свойство психики, результат общественно-исторических условий формирования личности человека в трудовой деятельности при постоянном общении с другими людьми. Каждый человек является носителем этого уникального психического качества, в основе которого лежит понимание собственного Я.

В психологической науке проблема сознания является центральной. Представляет интерес система взглядов на феномен сознания классика отечественной психологии Л.С. Выготского (1896—1934). Он пишет о том, что сознание — это рефлексия субъектом действительности, своей деятельности, самого себя. Сознательно то, что передается в качестве раздражителя на другие системы рефлексов и вызывает в них отклик. Сознание есть как бы контакт с самим собой. Элементами сознания, его «клеточками», по Выготскому, являются словесные значения.

С.Л. Рубинштейн (1889—1960) определял сознание человека как отражение независимого от него объекта и отношение к нему субъекта. В психологическом плане сознание выступает реально, прежде всего как процесс осознания человеком окружающего мира и самого себя.

Взгляды на проблему сознания А.Н. Леонтьева (1903–1979) во многом продолжают линию Л.С. Выготского. Леонтьев считает, что сознание в своей непосредственности есть открывающаяся субъекту картина мира, в которую включен и он сам, и его действия и состояния. Сознание-образ становится также сознанием-реальностью, т. е. преобразуется в модель, в которой можно мысленно действовать.

По мнению Б.Г. Ананьева (1907–1972), психическая деятельность как сознание есть динамическое соотношение чувственных и логических знаний, их система, работающая как единое целое и определяющая каждое отдельное знание. Эта работающая система есть состояние бодрствования человека, или, другими словами, специфически человеческая характеристика бодрствования и есть сознание. Сознание как активное отражение объективной действительности есть регулирование практической деятельности человека в окружающем его мире.

Б.Ф. Ломов (1927–1989) в фундаментальном труде «Методологические и теоретические проблемы психологии», изданном в 1984 г., пишет о сознании как идеальной форме отражения бытия, говоря уже не столько об отражении «действительности», сколько об отражении *бытия*.

Советский и американский психолог, представитель ленинградской школы, ученик Б.Г. Ананьева и В.М. Мясищева, автор концепции фундаментальной психологической триады Л.М. Веккер (1918–2001) к исходу XX в. делает попытку операционализировать понятие сознания. Он отмечает, что сознание представляет собой итог интеграции *когнитивных, эмоциональных и регуляционно-волевых* процессов.

А.И. Юрьев в докладе «Трансформация сознания в эпоху Интернета» на Международной конференции 2001 г. «Информационное общество и интеллектуальные информационные технологии XXI века» приводит 16 наиболее употребительных определений сознания человека, которые имеют скорее теоретический, нежели практический характер. Но и эти определения все вместе или порознь не дают ответа на вопрос: *что есть* сознание? Автор доклада приводит примеры того, как понятие сознания в конце XX в. постепенно исчезало из научной и житейской практики.

Научная разработка проблемы сознания продолжалась около четырех столетий, но и к началу XXI в. понятие сознания остается необъятно широким и неопределенным. Оно отражает сложный системный феномен, который представляет собой обширную совокупность весьма разнородных идеальных процессов — мыслительных, эмоциональных, волевых, мнемических, а также процессов воображения, воспоминания, интуиции.

Определение сознания в классической науке по-прежнему сталкивается с большим количеством непреодолимых трудностей, связанных с разнообразием подходов к этой теме. Общая проблема известных дефиниций сознания — это прямой или косвенный акцент на полисе-

мантизме и психологической бескачественности понятия сознания, то есть на его неинформативности, невозможности концептуализировать феномен сознания, что обуславливает его неизречимость и непостижимость. Эту непостижимость метафорически выразил К.Г. Юнг: «*сознание есть условие возможности бытия*».

Понятие сознания в политической психологии

В политологии и политической психологии политическое сознание рассматривается также весьма неопределенно — как совокупность психического отражения политики, как ее субъективный компонент, проявляющий себя на разных уровнях, в различных ситуациях. Например, в «Политической психологии» под ред. А.А. Деркача политическое сознание субъекта политики предстает *как высшая форма развития психики* и характеризует его способность системно воспринимать, понимать и оценивать ту часть реальности, которая связана с политикой, с вопросами власти и подчинения. В «Общей и прикладной политологии» под ред. В.И. Жукова политическое сознание определяется *как комплекс идей, теоретических концепций, взглядов, представлений, мнений, оценочных суждений, эмоциональных состояний* субъектов политических отношений. Политическое сознание является естественным субъективным компонентом политической деятельности, политического поведения. Сферами политического сознания являются политическая наука, политическая идеология и политическая психология.

При всей многосложности проблемы сознания в настоящее время в политической психологии осуществляются попытки выработать рабочие варианты его определения. Так, в «Теории политики» под редакцией Б.А. Исаева политическое сознание — это не только научные теоретические знания, но и *представления*, возникшие в ходе осознания повседневной жизни и т.д.

Е.Б. Шестопап считает, что *политическое сознание* человека включено в сложную ткань его психической деятельности в соответствии с ее законами. Политическое сознание представляет собой *восприятие* субъектом той части реальности, которая связана с политикой, с вопросами власти и подчинения, государства с его институтами.

А.В. Селезнева, не рассматривая сущность феномена, определяет его структуру. По ее мнению политическое сознание личности состоит из двух слоев. Политические *представления* составляют верхний относительно изменчивый под воздействием текущих социально-политических трансформаций слой. Центральное ядро политического сознания составляют политические *ценности*, определяющие в конечном счете отношение респондентов к власти и политике.

А.И. Юрьев во «Введении в политическую психологию», раскрывая психологическую структуру политического сознания, пишет, что со-

знание, будучи высшим интегратором психической жизни, выполняет эту функцию благодаря тому, что все его компоненты также выполняют функцию интеграции. Так, *память* объединяет в себе огромные объемы политической информации. *Внимание* на каждый момент времени объединяет субъекта политики с одним из объектов окружающей среды и в целом с политическим контекстом. *Чувства* и *воля* являются интегральными регуляторами политического поведения и деятельности в конкретных политических условиях. При этом *память*, *восприятие* и *мышление* преимущественно осуществляют функцию отражения. *Внимание*, *чувства* и *воля* — преимущественно функцию регулирования.

В настоящее время область политологии, исследующая проблемы политического сознания, представляет собой пространство самых разнообразных, зачастую противоречащих друг другу подходов, созданных на основе предположений, аксиом, умопостроений, предпочтений и лишь изредка — фактов. Стройного здания единой теории как сознания, так и политического сознания пока нет и не предвидится. Не имея возможности по изложенным выше причинам твердо «стоять на плечах» предыдущих исследователей, как это принято, например, в физике, и что обеспечивает архитектурный рост научного знания, политологи и политические психологи продолжают возводить индивидуальные строения, не связанные друг с другом.

Вместе с тем в реальной практике исследования политического сознания представляется возможным использовать в качестве существенных для определения этого феномена различные критерии, не противопоставляя их определениям других авторов. Чем более многомерным и многосторонним будет эта совокупность определений, тем глубже будет наше проникновение в сущность различных аспектов политического сознания. Из арсенала самых разнообразных теорий и методологий политический психолог может сам определять, существует ли вообще теория, имеющая отношение к исследуемой реальности, и если да, то какая. Он должен решить, какие аспекты этой теории будут избраны им для исследования политического сознания.

Менталитет как понятийная новация неклассической парадигмы

В начале XX в. в мировой науке формируется, а со второй половины столетия активно развивается устойчивая тенденция изучения *особенностей* проявления сознания различных социальных, а затем и политических субъектов посредством понятия менталитета. Появление и широкое использование этого понятия обусловлено в первую очередь возникновением *неклассических* парадигм социального познания как нового направления XX в., которое отождествляется с движением от естественно-научной ориентации к гуманитарной, от потенциализма к экзистенциализму, от количественного подхода к качественному.

Глобальные проблемы и кризисы послевоенного мира вызывали необходимость перехода от *классического* типа научного исследования, характерного для естественных наук, к более масштабному, многостороннему и гибкому учету специфики человека как уникального культурно-исторического и политического феномена. При этом возникла потребность в расширении интерпретативного потенциала и методологического инструментария путем использования *гуманитарных* или *неклассических* методологий познания этого феномена, методологий, опирающихся на *неизмеряемые, но понимаемые и интерпретируемые* содержания. В свою очередь это привело к модернизации и расширению концептуально-понятийного поля и научного инструментария социально-политических теорий, включению в аналитический аппарат цивилизационных, религиозных, этнических, антропологических и, наконец, политико-психологических характеристик общества.

Если заслуга в постановке проблемы сознания принадлежит Р. Декарту (1596–1650), то понятие «менталитет» в научный оборот было введено в 1910 г. французским этнологом и социантропологом Л. Леви-Брюлем (1857–1939). Изучением менталитета людей различных исторических периодов занимались основатели французской исторической школы «Анналов», среди них наиболее известные М. Блок (1886–1944), и Л. Февр (1878–1956).

М. Блок связывал менталитет с вопросами *религии и народных верований*. Л. Февр считал, что менталитет — это эволюционно и исторически сложившаяся структура, определяющая *строй мыслей, чувств и поведения* и формирующая *систему ценностей и норм* индивида или социальной группы. В их трудах менталитет (и ментальность) означает «*умственное оснащение*» той или иной социальной общности, которое позволяет ей *посвоему* воспринимать как окружающую среду, так и самих себя.

В дальнейшем концепции менталитета получили развитие в стремлении научного сообщества к новому, неклассическому осмыслению феномена коллективного и индивидуального сознания и служили инструментом в познании *особенностей* сознания чужого.

Знакомясь с современной литературой по теориям менталитета и результатами многочисленных ментальных исследований, становится очевидным, что само понятие менталитета является еще более аксиоматичным, многомерным, неопределенным и полисемантическим, чем понятие сознания. В этой связи интересно вспомнить, что по аналогичному поводу писал Г. Спенсер (1820–1903): «В основе всех правил, определяющих выбор и употребление слов, мы находим то же главное требование: сбережение внимания... Довести ум легчайшим путем до желаемого понятия есть во многих случаях единственная и во всех случаях главная цель»¹.

¹ См.: Спенсер Г. Философия слога // Спенсер Г. Собр. соч. СПб., 1886. Т. 1. С. 77.

С одной стороны, Спенсер формулирует справедливое требование к языку научных исследований. С другой стороны, представляется очевидным, что это требование в ментальных исследованиях практически невыполнимо, так как, *во-первых*, по словам О. Мандельштама, любое слово является пучком, и смысл торчит из него в разные стороны, а не устремляется в одну официальную точку. *Во-вторых*, вряд ли целесообразно переносить естественно-научные закономерности в сферу такого предмета, как политическая психология, ибо в таком случае мы входим в соблазн вулгарного механистического редукционизма. *В-третьих*, метафорический и, следовательно, многозначный язык в изучении менталитета неизбежен.

К тому же политическим психологам необходимо учитывать и тот факт, что в науке сравнительно недавно установлены закономерности, в соответствии с которыми *чем более точен язык, тем менее полно описывается явление*, и наоборот, *чем менее точен научный язык, тем полнее описывает предмет теория*. Даже по отношению к самой точной науке — математике — эта закономерность была сформулирована в 1931 г. в теореме К. Геделя (1906–1978) *о неполноте теоретического знания*² и в 1927 г. применительно к квантовой физике — В. Гейзенбергом³ (1901–1976) *в теореме о соотношении неопределенности*.

Первая теорема гласит, что *человеческое познание невозможно формализовать полностью*, вторая — что *даже совокупностью точных теорий невозможно выразить целостность объекта изучения*. С этими теоремами соотносится и методологический принцип *дополнительности* Н. Бора (1885–1962), сформулированный им в 1927 г. Согласно этому принципу, для *воспроизведения в знаковой системе целостного явления необходимы взаимоисключающие*, «дополнительные» классы понятий, совокупность которых дает исчерпывающую информацию об этих явлениях как о целостных. Таким образом, используя *неклассические* подходы, а также конвергенцию методологического потенциала различных научных

² Во второй теореме о неполноте формальных систем Курт Гедель показал, что ни одна система не может доказать свою истинность, не выходя за пределы самой себя, т.е. базовый тезис, истинность которого не может доказать данная теория, данный язык, может быть доказан в рамках метатеории, метаязыка. Но эта метатеория также будет включать в свой состав ряд суждений, которые она не может доказать своими собственными средствами. Таким образом, мы постоянно пребываем в пространстве неопределенности. Любая научная теория включает в себя ряд суждений (утверждений), полученных ненаучным путем; это означает, что любое мышление на определенном уровне всегда аксиоматично (догматично), так как включает в себя набор положений, принимаемых на веру.

³ Согласно этой теореме Вернера Гейзенберга, невозможно равным образом точно описать два взаимозависимых объекта микромира, например координату и импульс частицы. Если мы имеем точность в одном измерении, то она будет потеряна в другом. Философский аналог этого принципа был сформулирован в трактате Людвиг Витгенштейна «О достоверности»: для того чтобы сомневаться в чем-бы то ни было, нечто должно оставаться несомненным.

направлений и школ в системном политологическом изучении феномена менталитета, мы можем ожидать позитивный результат.

В заключение отметим, что менталитет признан не только «понятийной новацией гуманитарного знания», но и альтернативой понятиям классической рациональности, сам же термин получил общепризнанный междисциплинарный статус. В нашей стране в последние годы не только в научном сообществе, но и в обыденной жизни он стал таким же привычным, как и другие иностранные слова — «суверенитет», «муниципалитет», «комитет», «иммунитет» и проч.

Соотношение понятий сознания и менталитета

На настоящий момент выявлено два основных подхода к пониманию соотношения понятий *сознания* и *менталитета*. Одна группа авторов отождествляет эти понятия. Позиция другой группы исследователей выражена И.Г. Дубовым, который пишет, что менталитет вовсе не идентичен общественному сознанию, а характеризует лишь его *специфику*. Менталитет выступает как «интегральная характеристика людей, живущих в конкретной культуре, которая позволяет описать своеобразие видения этими людьми окружающего мира и специфику реагирования на него»⁴.

Многие отечественные и зарубежные исследователи также акцентируют внимание на том, что понятие «менталитет» отражает систему *своеобразия*, совокупность *особенностей* сознания и веры, образ мышления, систему образов и представлений, *особый* способ мироощущения и мировосприятия, *установки* сознания, устойчивые *стереотипы*, *специфику* психологической жизни людей. Это *черты*, *типовое* поведение, культурный и поведенческий *код*, психический *склад*, «своеобразный склад ума», *матрица* духовной жизни, национальные *особенности* народов, *идентичность* и т.д.

Дискутируя о феномене менталитета, исследователи так или иначе говорят о *специфике* различных этносов, народов, наций, рас, религиозных конфессий, социальных слоев, поколений, классов, элит, а также о профессиональных, региональных, политических и прочих *отличиях* групповых и индивидуальных *субъектов* деятельности. Классик отечественных ментальных исследований А.Я. Гуревич считал, что понятие человека в контексте социальных отношений можно путем изучения *особенности*, *инаковости* мировидения человека.

Обобщая многочисленные точки зрения, представляется возможным сделать вывод о том, что менталитет как «психологическая оснастка» социальных и политических субъектов проявляется в особенно-

⁴ Дубов И.Г. Феномен менталитета: психологический анализ // Вопросы психологии. 1993. № 5. С. 20–21, 27.

стях мышления, верования, чувствования, волеизъявления, которые эксплицируются в понятиях, установках, представлениях, стереотипах, ценностях, идентичности и, наконец, в особенностях политического поведения. Следуя за К. Юнгом, возьмем на себя смелость продолжить его метафору: *менталитет есть условие возможности бытия в его своеобразии и уникальности.*

Менталитет и догматический принцип

Принципиально важным в политической психологии является вопрос поиска и определения базовых оснований содержания менталитета. Опираясь на *догматический принцип* А.Ф. Лосева, мы полагаем, что основанием содержания, ядром менталитета любого этноса, народа и нации является принятый ими *догмат*⁵ как некая истина *a priori*. Эта истина, принимаемая на веру в первую очередь политической и духовной элитой, со временем формирует смыслообразующие устремления, вектор мышления, воли и верований больших групп людей, программирует особенности их жизни и деятельности, воззрения, намерения, чувствования и поступки.

Многие поколения людей различного социального и политического статуса — правители, элитные группы, обыватели — ориентировались и по сей день ориентируются на *догматические* основания жизни. «Догмат, — пишет А.Ф. Лосев, — есть система теоретического разума, выдвинутая тем или иным религиозным опытом и откровением веры... Догматика никогда не прекращалась и не прекратится в человечестве... Догмат же всегда есть научно-диалектическая система или принцип ее». И далее: «догмат ... есть утвержденность *вечных истин*, противостоящих всякому вещественному, временному и историческому протеканию явлений»⁶.

В соответствии с догматическим принципом догмат как первичная система *априорного* знания об основах мироздания и смысле человеческого существования становится основой менталитета, наполняет его содержание. Более того, догмат обуславливает и характер политической власти целой страны, особенности системы права, ее экономический уклад, нравственность, духовность, саму жизнь и судьбу народов и их политических элит, государств, каждого отдельного человека.

Со времен французского Просвещения сформировалось отрицательное отношение к понятиям «догма», «догмат» и «догматика». И в наше время обыденное мышление привычно воспринимает эти слова

⁵ Догма, догмат от др.-греч. *δογματιζω* — учение, мнение, общее убеждение, постановление, утверждение. Англ. *dogma*; нем. *Dogma*. Это положение или мнение, принимаемое на веру за неопровержимую истину и признаваемое бесспорным без доказательства.

⁶ Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М., 2008. С. 149–150, 152, 190.

крайне негативно, как олицетворение некоей архаичной, окаменелой и заскорузлой системы религиозного сознания, которая якобы состоит из сплошных ограничений и запретов, «мешает свободному развитию» личности и ее «самореализации». Одно слово — догма — зачастую вызывает иррациональную реакцию, как минимум, в форме настороженности и раздражения. Но наше понимание догмата как некоего запрета, наложенного на мысль, неверно в том отношении, что догмат вообще изначально не затрагивает те положения, которые находятся в сфере нашей повседневной жизни.

Догматичность менталитета как имманентное его качество для большинства современных людей является практически невидимой и неразличимой как давление атмосферного столба, ибо она столетиями привычно воспринимается как истина *a priori* и не составляет для его носителей никакого вопроса. Именно поэтому для мышления каждого человека, находящегося внутри любого менталитета, чрезвычайно сложно определить, в чем именно состоит его догматическая обусловленность.

Догматическое мышление формирует ментальную матрицу, и она как инвариантный код объединяет различные массы людей, которые длительное время жили в пространстве преобладающего вероисповедания, словно в своеобразной гравитационной системе, недоступной для непосредственного восприятия. Ментальная матрица выступает в качестве программы многовариантного алгоритма, в русле которого этнос или народ развивает и реализует свои социокультурные, экономические и политические практики.

В.В. Можаровский определяет догмат как *установки веры*, которые утверждаются как всеобщие для исповедания⁷. Они не могут быть выведены с помощью логического мышления, иначе догмат оказался бы излишним и мог бы быть заменен произвольными положениями житейской или научной логики. Догматическое мышление непреложно воспроизводится в ментальных особенностях обыденной и общественной жизни наций, народов и конкретных людей, во всех сферах знания, образования, права, науки, философии, культуры, экономической и политической деятельности.

Представления, установки, стереотипы, нормы, традиции и ценности в результате этого процесса со временем становятся неотъемлемой частью не только сознания, но и других — неосознаваемых (бессознательных), то есть подсознательных и сверхсознательных, компонентов психики людей. Догматическая основа менталитета из поколения в по-

⁷ Исповедание от греч. *exomologeō* — «признаю, исповедую», т.е. безусловное признание и соблюдение принципов, постулатов, догматов и установлений, следование им в повседневной жизни. Например: «*исповедовать строгие нравственные принципы*», «*исповедовать веру*» и т.д.

коление возобновляется и утверждается их носителями — субъектами менталитета — как нечто само собой разумеющееся, не требующее каких-либо объяснений, доказательств и обоснований⁸.

В.С. Барулин делает акцент на таком свойстве менталитета, как его *инвариантность — вариативность*. Он определяет менталитет как *духовно-стационарную основу человеческого существа*, которая позволяет ему бесконечно видоизменять свое поведение, оставаясь при этом одним и тем же. При этом отметим, что ядром этой духовно-стационарной системы является не что иное как догматическое основание того или иного менталитета.

Традиции как ментальная практика повседневной жизни также догматичны. «Традиции... обязательно догматичны, — пишет В.А. Кутырев, — получены через откровение и переживание, в опыте непосредственного общения по принципу “делай как я” (Гуру, Учитель, Авторитет, Предание), без всякого обоснования своей целесообразности. Это “почва”, коллективное или личное бессознательное в чистой или сублимированной форме, из которой произрастают наши мысли и которая является органической частью живой культуры»⁹.

Вся история существования и развития, задача выживания и проблема безопасности любого народа, элит, государств, их политическое устройство определяется выбором и утверждением тех или иных *догматических оснований бытия*.

В этой связи нельзя не отметить в европейской и в частности во французской литературе стремление связать менталитет с отношениями веры. Так, Г. Бутуль в монографии «Менталитет», впервые опубликованной в 1952 г. и выдержавшей подряд пять изданий, пишет: «Менталитет — это совокупность идей интеллектуальных установок, присущих индивиду и соединенных друг с другом логическими связями или же отношениями веры... Наш менталитет находится между нами и миром как призма. Она, пользуясь выражением Канта, является априорной формой нашего познания»¹⁰.

В этом определении обращает на себя внимание прежде всего стремление автора связать понятие «менталитет» с верой, а не с познанием. Следует вообще заметить, — пишет Л.Н. Пушкарев, — что почти все зарубежные ученые подчеркивают значение веры в менталитете. Вера является важнейшей составной частью менталитета и всегда изначально присутствует в человеческом сознании. В данном же определении отметим также место менталитета между миром и воспринимающим его как бы через призму субъектом. При этом автор, ссылаясь на

⁸ См.: *Можаровский В.В.* Критика догматического мышления и анализ религиозно-ментальных оснований политики. СПб., 2002.

⁹ *Кутырев В.А.* Культура и технология: борьба миров. М., 2001. С. 98.

¹⁰ Цит. по: *Пушкарев Л.Н.* Что такое менталитет? Историографические заметки // Отечественная история. 1995. № 3. С. 158–166.

Канта, подчеркивает априорность менталитета. Тем самым менталитет как бы становится исходным постулатом восприятия мира человеком, выражением его изначальных, доопытных принципов восприятия.

В дальнейшем в ментальных исследованиях европейских ученых все более стали подчеркивать значение менталитета в духовной жизни человека. Так, П. Динцельбахер — видный специалист в области средневековой мистики и истории религии, останавливаясь на источниках для изучения менталитета, полагает, что ими может быть все, созданное человеком и сохранившее дух, духовную сущность творца. Автор понимает историю менталитета как центральный аспект всемирной истории, изучающий все проявления человеческого духа¹¹.

Идея о связи менталитета с духовностью и верой отчетливо прослеживается еще в одном определении, данном в философском словаре «*Vocubulaire technique et critique de la philosophic*» (1988): «менталитет — это совокупность умственных установок, привычек мышления, фундаментальных верований индивида»¹².

Подводя итог, следует сказать, что догматические основания менталитета формировались с момента возникновения у человечества самосознания. Догматы, догматическое мышление и менталитет любого политического субъекта неотделимы от религии и духовной культуры, в пространстве которой он развивался даже при том, что в нынешнюю эпоху секуляризма важность самой религии может стоять далеко не на первом месте в иерархии жизненных предпочтений и ценностей современных людей. Даже при снижении уровня религиозности людей, их мышление остается неизменно догматичным.

Что касается современной России, то актуализация воздействия религиозно-догматического фактора на политические процессы и институты проявляется вследствие конвергентного эффекта глобальных тенденций и российских особенностей. Россия, чей политический *modus vivendi* основывается на поликонфессиональном и, как следствие, полиментальном цивилизационном основании, болезненно реагирует на актуализацию различий в религиозной сфере: с одной стороны, рост нетерпимости, активизация экстремистских политических практик, с другой — действие глубинной исторической традиции конструктивного сосуществования различных конфессий, позволяющий пока избежать деструктивных сценариев.

Догматический принцип и полиментальность в России

Догматический принцип и неразрывно связанная с ним система фундаментальных религиозных верований и основ духовной жизни

¹¹ Там же. С. 158–166.

¹² Там же.

людей соотносятся с *концепцией полиментальности* В.Е. Семенова¹³. Так, автор, опираясь на результаты многолетних исследований, приводит следующую типологию базовых менталитетов в современной России. Это — *православно-христианский, коллективистско-социалистический, индивидуалистически-капиталистический* (либеральный) и *криминально-мафиозный* менталитет.

Помимо четырех базовых менталитетов в России существуют менталитеты различных конфессий и этносов. При этом автор концепции полиментальности выделяет и так называемый *мозаично-конформистский* псевдоменталитет, который вполне можно считать *адогматическим*, т. е. не имеющим каких-либо внятных догматических оснований. Будучи порождением «массовой культуры», «потребительской демократии», агрессивно внедряемый в массовое сознание массмедиа, этот тип менталитета в своем основании может иметь, видимо, только один «догмат» в варианте формулы римской античности — «хлеба и зрелищ» как примитивный императив современного общества потребления с его установками низменного прагматизма.

Каждый из выявленных В. Семеновым типов менталитета, *во-первых*, имеет в своем основании те или иные истины *a priori* — догматы, которые субъектами менталитета приняты на веру, исповедуются и не нуждаются в каких-либо доказательствах. *Во-вторых*, соотносится с тем или иным типом политических представлений, ценностей установок, стереотипов, норм и традиций. *В-третьих*, сама концепция полиментальности дает реальную возможность научного структурирования и политико-психологического анализа ментально-идентичностных координат российской реальности в соответствии с методологической установкой К. Маркса — *цельность в разобщенности и единство в разнообразии*.

«Россияне» и менталитет

На наш взгляд, концепция В.Е. Семенова является ресурсом для решения сложной методологической проблемы в изучении оснований политического менталитета. Один из аспектов этой проблемы состоит в следующем. С 1991 г. в нашей стране активно используются термины «менталитет россиян» и «российский менталитет». Эти термины, по нашему мнению, будучи такими же бессодержательными, как и само понятие «россияне», запущенное в оборот Ельциным с подачи политтехнологов, умалчивают не только о государствообразующей роли русского народа, но и о его существовании, о созидающей и интегрирующей роли русской культуры и русской духовности. Часто из уст политиков

¹³ См.: *Семенов В.Е.* Полиментальная специфика России и российская политика // Вестн. полит. психологии. 2001. № 1. С. 20–23; *Семенов В.Е.* Художественное творчество и полиментальность // Современные проблемы российской ментальности / Мат-лы Всерос. научно-практ. конф. / Отв. ред. В.Е.Семенов. СПб., 2005. С. 40–41.

и вторящих им представителей научного сообщества мы слышим, что Россия многонациональная страна. Это действительно так, но не совсем. Большая неправда как всегда кроется «в мелочах». В реальности Россия *асимметрично многонациональная* страна, так как более 80% ее граждан считают себя русскими. Но эта *асимметричность* практически всегда умалчивается, видимо, «из соображений политкорректности». Собственно говоря, термин «россияне» и был изобретен для сокрытия этой реальной «многонациональности».

Но и это еще не все. За термином «россияне» стоит социально-мировоззренческий и политический заказ господствующей в России либеральной элиты, которая своевольно исключает признание тождественности интересов России интересам государствообразующего русского народа. И как следствие нынешние «россияне» — это отражение вненациональных и секулярно-сектантских установок либерального (индивидуалистически-капиталистического, по Семенову) мышления как неадекватная реальности и циничная «политкорректность» в усреднении и обезличивании духовного богатства и глубины религии не только русского, но всех народов, населяющих Россию.

В традициях следования установкам партийных съездов наряду со СМИ «россиян» как идеологических оппонентов русских приняла к «научному» толкованию и часть экспертного сообщества. Но эти терминологические новообразования как торжество беспочвенности свидетельствуют о неадекватности описания исторической и современной России, субъектов менталитета и отрицания их базовых идентичностей — национальной, культурной, цивилизационной, исторической, конфессиональной и политической. Они свидетельствуют о выпадении рефлексивного аспекта из современного научного дискурса о менталитете и вполне соответствуют постмодернистской тенденции пренебрежения базовой потребностью людей и народов в идентичности (*need for identity*).

Русскую цивилизацию и государство создавали не «граждане России», не «россияне», а именно русские. «Россиянин» как некий «общечеловек» конца XX — начала XXI в., проживающий на территории РФ, — это не зрелый плод тысячелетнего национально-исторического развития, а примитивный продукт постсоветской социальной инженерии и политической пропаганды. Э. Паин осторожно назвал «российский менталитет» всего лишь метафорой¹⁴. Но эта «метафора» — не только нелепый симулякр, символизирующий отсутствие системно-структурной методологии и иерархически упорядочивающего принципа рассмотрения феномена менталитета в России в его сложности и многообразии. «Российский менталитет» по своей сути есть идентификационный проект, направленный на *модификацию* русского менталитета в «правильном» направлении.

¹⁴ См.: Паин Э. Единый российский менталитет — это только метафора. URL: <http://www.epochtimes.ru/content/view/48159/54/>

Этапы развития понятия менталитета

Изучая феномен менталитета, его содержание, структуру и функции, весьма важно учитывать не только политический, но и исторический контекст. Так, анализируя историю генезиса и развития понятия «менталитет», представляется возможным выделить в нем *три основных этапа*.

Первый этап — имплицитный. Он характеризуется тем, что термин «менталитет» еще не встречается в научных трудах. Исследователи пользуются такими понятиями, как «этническое сознание», «национальный характер», «душа народа», «духовный склад», «дух народа», и др.

Второй этап уже связан с активным введением понятия в научный оборот и затем его широким распространением в научном сообществе, художественной литературе, публицистике и в живом разговорном языке.

Начало *третьего, нынешнего, этапа* исследований феномена менталитета приходится на 90-е гг. XX в. и связано с развитием информационной революции, радикальных политических изменений и переворотов в контексте процесса глобализации.

Принципиальное значение последнего этапа состоит в том, что феномен менталитета стал рассматриваться заинтересованными операторами глобальной политики и транснациональными корпорациями не только как объект изучения, но в первую очередь как *объект политического управления и политической модификации* средствами информационно-психологической экспансии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дубов И.Г. Феномен менталитета: психологический анализ // Вопросы психологии. 1993. № 5.
2. Кутырев В.А. Культура и технология: борьба миров. М., 2001.
3. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М., 2008.
4. Можаровский В.В. Критика догматического мышления и анализ религиозно-ментальных оснований политики. С.-Пб., 2002.
5. Паин Э. Единный российский менталитет — это только метафора. URL: <http://www.epochtimes.ru/content/view/48159/54/>
6. Пушкирев Л.Н. Что такое менталитет? Историографические заметки // Отечественная история. 1995. № 3.
7. Семенов В.Е. Полиментальная специфика России и российская политика // Вестн. полит. психологии. 2001. № 1.
8. Семенов В.Е. Художественное творчество и полиментальность // Современные проблемы российской ментальности / Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. / Отв. ред. В.Е. Семенов. С.-Пб., 2005.
9. Спенсер Г. Философия слога // Спенсер Г. Собр. соч. С.-Пб., 1886.